

В Иркутском доме архитектора 7 февраля состоялся дискуссионный клуб ПБ, посвященный теме номера – «Регионы. Окраины и центры». За круглым столом собрались академик Андрей Боков, историк и издатель Александр Гимельштейн, архитектор и издатель Елена Григорьева, архитектор Андрей Макаров, предприниматель Сергей Маяренков. Модератором выступил Константин Лидин.

Ключевые слова: малые города; сетевые системы; центр; периферия; градостроительная политика. /

On February 7, a discussion club of PB was held in the Irkutsk House of Architects. It was devoted to the theme of the current issue, "Regions. Peripheries and Centres". The round table brought together academician Andrey Bokov, historian and publisher Alexander Gimelshteyn, architect and publisher Elena Grigoryeva, architect Andrey Makarov and businessman Sergey Mayarenkov. Konstantin Lidin was its moderator.

Keywords: small towns; network systems; centre; periphery; urban policy.

Регионы. Окраины и центры. Сети городов. Дискуссионный клуб ПБ / Regions. Peripheries and centres. Networks of cities. PB Discussion Club

текст

Андрей Боков
РААСН, IAA
Александр Гимельштейн
Иркутский
государственный
университет
Елена Григорьева
РААСН

Константин Лидин
Федерация «Союз
соотечественников»,
София, Болгария
Андрей Макаров
ИРНТУ
Сергей Маяренков
ИРНТУ

фото
Евгения Сурикова /

text

Andrey Bokov
RAACS, IAA
Alexander Gimelshteyn
Irkutsk State University
Elena Grigoryeva
RAACS

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens, Sofia, Bulgaria
Andrey Makarov
INRTU
Sergey Mayarenkov
INRTU

photo
Evgeniya Surikova

Константин Лидин Долгое время во взглядах на развитие мест и городов доминировала центрическая модель. Считалось, что где-то есть такой город, который является вечным центром цивилизованного мира, образцом для всех прочих городов на все времена. Афины, затем Рим были такими «городами-образцами». Потом на это место претендовали Париж, Лондон, Нью-Йорк. Над этим снисходительно посмеивались китайцы, ведь они-то знали точно, где находится центр Серединной империи.

На наших глазах во второй половине XX века эта система окончательно рухнула. Стало понятно, что центр мира искать бесполезно. Вместо нее пришла линейная диахроническая система, согласно которой центры последовательно сменяют друг друга. Можно смело говорить, что в одну эпоху центр был в одном месте, в другую – в другом.

Сформировалось понятие центра как источника образов. В центре создаются и апробируются эталонные образцы, которые потом воспринимаются периферией в качестве канона для подражания, копирования и развития. Они составляют фундамент для самобытного периферийного творчества. Но и линейная модель вскоре утратила адекватность в условиях усложняющейся реальности.

Уже в XXI веке начинает бурно развиваться сетевая модель мировосприятия, в которой может быть множество центров и, соответственно, множество периферий. Все зависит от того, по какому принципу мы рассматриваем систему: экономисты – как сеть экономических центров, политики – как центры политического влияния, военные – как сеть военных баз. В итоге мы видим многомерное пространство, в котором одновременно существует множество разных сетей. С каждой точки мы можем видеть связи в разных плоскостях по разным принципам с другими точками.

Понятие центра, таким образом, становится относительным: любое место можно назвать центром, если подобрать к этому подходящую плоскость, в которой расположена подходящая сеть. Первоначальной идеей этого круглого стола было предложить способ поиска данных сетей, на конкретном примере города Иркутска.

В каких плоскостях Иркутск можно осознать, рассмотреть и развивать в качестве центра? В каком смысле Иркутск является центром, а в каком образуется его периферия? Как Иркутск связан с другими центрами, с помощью каких сетей? И что с этим делать? Это очень практическая задача, потому что развитие города/места очень сильно зависит от статуса центра или периферии. Никому не хочется быть периферийным, все хотят быть центром. Насколько это возможно для Иркутска? Было бы интересно развить данную мысль и посмотреть, во что она трансформируется.

Елена Григорьева Тема действительно практическая, имеет самое непосредственное отношение к тому, чем мы занимаемся по мастерпланам, по малым городам.

Сетевые системы не являются порождением нашего времени, различные объединения городов существовали с античных времен. Самым известным, пожалуй, является Ганзейский союз, возникший в Средние века, в XII – XIII столетиях. В дальнейшем он расширился территориально, создавая экономически объединенные свободные города.

Людям советского происхождения известна сеть городов-побратимов, которые пытались укреплять международное общение в основном обменом делегаций в области культуры и спорта. Интересно, что началось это движение с подарка скатерти, вышитой женщинами британского Ковентри для Сталинграда. Еще одним ярким примером, рожденным в СССР и существующим и поныне, является всем известное Золотое кольцо. Это, конечно, скорее туристический маршрут по восьми историческим городам, но и сейчас созданный полвека назад поток эффективен, и синергия помогает городам Золотого кольца успешно работать.

В XX веке Кристаллер накрыл сетью территорию южной Германии, породив теорию центральных мест с иерархией городов. Эту систему мы фактически использовали, когда разрабатывали генпланы Нерюнгри и Краснокаменска. Мы настолько расширили сферу влияния уранового города, опираясь на услуги, которые этот город оказывает и может оказывать на окрестности, что закрепили за Краснокаменском статус второй

столицы Забайкальского края, Чита даже начала ревновать к этому городу.

Для практических урбанистов актуальны сети, связанные технологическими цепочками, такими как атомные города, города РУСАЛа например. Росатом создал цифровую платформу «Умные города России», сейчас к ней подключены 54 города. На карте этой сети и наше Усолжье-Сибирское.

Когда шла работа над малыми городами Забайкалья в Сибирской лаборатории урбанистики, прозвучало предложение по объединению городов Забайкалья (Нерчинск, Шилка, Сретенск – исторические города без исторического статуса, связанные с освоением Сибири и с декабризмом) в некий союз, и, что самое интересное, это уже работает. Я была там, в прошлом году на Фестивале малых городов Забайкалья – они действительно начали объединяться, одновременно конкурируя.

Уместно напомнить о сетях, которые проходили и до сих пор проходят через Иркутск. Чайный путь от Уханя до Санкт-Петербурга шел через Кяхту (ее называли тогда Венецией пустыни, отождествляя караваны верблюдов с кораблями) и Иркутск. Эта ось процветала долгое время. В какой-то момент, разбогатев на торговле чаем, кяхтинские купцы перебрались в Иркутск. Дальше каталожная торговля двигалась по Транссибирской железной дороге, главной транспортной оси Российской империи. Транссиб породил свое линейное объединение городов, расположенных на своем пути.

Вероятно, можно говорить и о сети университетских центров – и российской, и международной. Иркутск рискует из этой сети вылететь, потеряв межвузовский кампус, и это сейчас на повестке горячих обсуждений архитектурного цеха.

КЛ Сетевой подход – он противоположен конкуренции. Нет смысла спрашивать, кто кого побеждает в конкурентной борьбе. Если мы находимся в сети, то в сети нужен каждый центр, и если какой-то узел перестает работать, то страдает вся сеть. Не конкуренция, а симбиоз и сотрудничество. Не надо выяснять, кто тут самый главный и кто важнее всех. Все узлы необходимы. Если мы говорим об Иркутске как о части сети, то мы долж-

ны смотреть не на то, с кем он конкурирует, а с кем он сотрудничает.

Андрей Боков Хотел бы подвергнуть некоторому сомнению то, что кажется самоочевидным. Первое – понятие города. По моему глубокому убеждению, город как нечто безмерное исчерпал себя в подобного рода дискуссиях. Города находятся в нищем состоянии – с одной стороны, в глубочайших изменениях – с другой, особенно российские города находятся в состоянии тяжелой хронической болезни, унаследовав это с советских времен. Имеет смысл до того, как начинать какие-то рассуждения, поставить диагноз: что происходит с городами? Так как они явно чем-то отличаются – неким устойчивым состоянием неблагополучия, – это то, что мы с вами уже обсуждаем. Города уже давно превратились в некие непрерывности – в пространства без границ, о чем много лет назад писал Глазычев, где действительно существуют некоторые центры, узлы, но нет границ. Границы, как правило, носят сугубо формальный характер и в значительной степени мешают нормальному кровотоку, нормальному процессу пространственного развития системы. Где города действительно не заканчиваются: они представляют собой некие протяженности. Они характеризуются концентрическими зонами, расположенными вокруг центра, идущими в этом диапазоне границ города и не-города. Эти удаленные образования в равной мере необходимы для сбалансированного развития, правильного представления, правильного движения. В равной мере нам необходим как центр, так и периферия, включая третируемые, уничтожаемые, презираемые нами небольшие населенные места. Не будь этих удаленных мест, за счет которых центры в значительной степени питаются и преуспевают, – этим центрам придет конец. Города без них существовать не могут. И до тех пор, пока мы будем уничтожать эту периферию, питательную среду, от которой растет город, до тех пор наши города будут находиться в странном, искусственно выращенном состоянии. Что за заболевание нашего города? Это болезнь, которая обязана своим происхождением советской утопии. Эти пятиэтажные панельные дома, свободной планировки микрорайоны и другие

примеры – все то, что вывело наши города за пределы естественного существования, все это породило искаженный, бесчеловечный ландшафт. Это есть не что иное, как проявление этой болезни. Моногорода, индустриальные города, города, ценность которых исключительно определяется производственными способностями. Все это оставило трагический отпечаток на наших городах – породило крайне болезненный ландшафт, деформированный культурный ландшафт, изувеченный, вечно не прибранный, с которым мы сталкиваемся каждый день.

Как говорил Л. Гутнов, мы так живем в наших городах, как будто живем в них только один день и завтра собираемся покинуть. Это состояние незавершенности должно быть преодолено. Мы должны найти нормы и, несомненно, этой норме следовать, постепенно преодолевая и редуцируя последствия довольно тяжелого времени, наступившего в середине 60-х годов XX века, которое просуществовало в качестве государственной программы до конца существования советской власти.

То, что продолжилось, большой радости не принесло, так как прямыми наследниками бюрократии стали крупные застройщики, которые стали продолжать воспроизводить то же самое. Пока это не прекратится, застройщики будут навязывать строительство гигантских многоквартирных домов и другого безобразия.

Как определить, где находится наш город, в каком месте по отношению к этой линейке – насколько мы отстали, насколько перегнали. Существует только одна система измерения этого состояния – это развитость инфраструктуры. Окружающий нас мир состоит из нескольких слоев: слоя, который стремится быть консервативным, который стремится сохранить себя, по возможности в неизменном состоянии, – это наши дома, наше ближайшее окружение, это то, что мы хотели бы сохранить не просто в память о наших отцах и дедах, но и как пространство, где мы интуитивно чувствуем себя комфортно. Мы отлично приспособливаем дома, в которых живем пять, десять, двадцать, шестьдесят лет, приспособливаем к ним современную инфраструктуру и инженерное обеспечение.

То же самое происходит с городом, степень развитых городских коммуникаций, сетевых структур и т. д. определяет то, насколько он современен. К сожалению, на сегодняшний день, если мы попытаемся оценить транспортную инфраструктуру наших городов, мы увидим, что она находится в состоянии крайней запущенности. Самый шокирующий показатель, который напрямую касается состояния перспектив развития, здоровья городов – развитие магистральной инфраструктуры. Если с региональными системами дорог у нас поддерживается хорошая сеть, то муниципальные сети, те капилляры, которые доходят до каждого дома, и, самое главное, магистральная инфраструктура – скоростные магистрали безостановочного движения, рейсовые автомобили, система авиасообщений локальные, общенациональные, федеральные – здесь полная катастрофа. Например, протяженность магистралей Китая растет с фантастической скоростью (до 10 тыс. км в год), при этом общая протяженность составляет 100 тыс. км. Мы по сравнению с ними имеем ничтожно малые показатели, что тем более опасно в ситуации нашей страны, отличающейся огромными размерами. Говорить о включенности в транснациональные системы, не имея планов создания данной инфраструктуры, было бы некоторым преувеличением. Мне не нравится идея линейности, система представляется намного сложнее. Если эта линия существует, то мы вдоль нее спокойно движемся как вперед, так и назад – и откаты назад в нашей отечественной истории были многократны. Такое существует по всему земному миру, эта линейность обременена существенным недостатком – обратное направление.

Помимо линейности, существует еще цикличность. Существуют территориальные инфраструктуры, которые стремятся к замкнутости, изолированности, некоторой завершенности всех внутренних циклов. Если этого не будет, то общая картина, сложная и закрепленная, устоявшаяся в нашем поведении, в пространстве повседневного существования, мира, культуры – станет обедненной.

Я бы настаивал на некоем соблюдении баланса между тем, что представляется сетевыми структурами, открытыми структурами, структурами, которые под-

ходят к глобальным структурам, и тем, что является чем-то локальным. И уничтожение, забвение, редуцирование местных ценностей, локальной культуры, оно чрезвычайно опасно, потому что глобальное реализуется исключительно теми ресурсами, которые имеются на местном уровне. Глобальное питается исключительно локальными ресурсами. Любое локальное открытие имеет четкие корни и происхождение. Большинство открытий, которые мы пытаемся включить в сетевую структуру и мировые технологии за пределами нашего отечества, к большому сожалению, имеет весьма локальное происхождение. Это напрямую связано с неблагоприятием локальной культуры, которая нас так волнует. У Иркутска есть замечательное географическое положение, несколько столетий ему принадлежала роль сухопутного порта. К сожалению, сейчас эта миссия не реализуется в достаточной степени. Она не выстроена последовательно, не осознана, все преимущества этого обстоятельства нами не вполне ощущаются – настало время об этом задуматься.

Глобальная, магистральная структура действительно опирается на мировые центры и преимущества крупного масштабирования. Но важнейшим компонентом являются небольшие города, которые связывают эту глобальность с уровнем отдельных людей

Андрей Макаров Города наши больны, эти болезни начали прогрессировать в 90-е годы XX века. Я считаю, павловско-буховский Иркутск в 1970–1980-х годах был гораздо более благополучным городом. С А. Михайловым мы сейчас начали прорабатывать транспортные схемы Иркутска. Поразительная вещь: в Иркутске, несмотря на то что уровень автомобилизации вырос в три-четыре раза, улично-дорожная сеть уменьшилась в это же количество раз – транспортные сети уменьшаются пропорционально росту автомобилизации. А можем ли мы сделать развязки по периметру Иркутска и аннулировать «бутылочные горла», которые создают многочасовые пробки? Иногда в этих пробках проводишь больше времени, чем в Москве. Быстрые развязки на некоторых магистралях невозможны, так как земля находится в частной собственности.

Отсутствие нормальной сетевой градостроительной политики, последовательного принятия градостроительных решений – все это спровоцировало серьезную болезнь наших городов, и методы лечения на сегодняшний день не до конца понятны. Иркутские чиновники также не могут разъяснить, как сегодня уйти от этой ситуации. Выкуп переданной в собственность непонятым застройщикам земли – серьезная проблема.

О сейсмике на примере сегодняшней Турции: мы неоднократно рисовали плотность, желтые линии – это тоже серьезная проблема. А ведь Иркутск тоже находится в зоне высокой сейсмической опасности. Что, если нас потряхнет как в Турции? В Иркутске в этом плане ситуация может быть гораздо более страшной, с учетом наших жестких зимних температур. Болезни города могут привести к фатальному исходу. Какими методами мы можем вылечить наши города?

Александр Гимельштейн Вспоминается цитата Гребенщикова: «Проснись, моя Кострома, не спи, Саратов и Тверь, Не век же нам мыкать беду и плакать о хлебе».

Города больны прежде всего логистически, климатически, экологически, экономически и т. д. И они не будут излечены в ближайшее время, я не вижу пути этого излечения, потому что присутствует глобальный кризис экспертизы. Для власти не существует в принципе авторитетной экспертизы. А отсутствие востребованности в ней способствует ее последующей объективной деградации.

На этом фоне проще сфокусироваться на антропологии или социальной психологии. Заниматься совершенствованием регионального и городского самосознания намного выгоднее: не надо выкупать огромные пространства, чтобы организовывать жизнь, а «бесплатно» позаниматься собой – самоощущением, самопрезентацией, созданием пространства вне предела материального мира. Тут можно «сходить» за новым концептом культурных гнезд, который формировался с 20-х годов XX века, но на сегодняшний день в значительной степени стал ближе и реалистичнее. Провинциальная автономизация от метрополий с точки зрения мироощущения в этих городах, если она удастся, сделает объективные болезни городов второстепенными, а субъективная трансформация самих себя повлияет на объективные обстоятельства.

Сергей Маяренко У меня двойное впечатление от хода дискуссии. С одной стороны, поиск смысловой конструкции, которая обеспечивает роль и статус города: город ищет свою нишу в мировой повестке. Может ли он претендовать на самостоятельность либо включать себя в некую сеть? С другой стороны, конкуренция больших и малых городов, притом что и те и другие теряют границы – превращаясь в сети, выходящие за пределы своих административных границ. Каково место малого города в системе расселения и есть ли смысл жить в малом городе? Есть ли в нем преимущество по сравнению с крупными городами, ведь наиболее талантливое население выезжает в более прогрессивные среды? Это вопросы, на которые было бы интересно ответить.

Подход, по которому инфраструктура – это такой «локомотив», который вытягивает город в целом, показался мне интересным. Я придерживаюсь версии, что в основе экономика. Должен быть экономический процесс, который создает потребность в инфраструктуре, создает потребность в миграции населения. Что является градоформирующей функцией, которая задает развитие города: инфраструктура или экономическая деятельность, которая задает требование к пространству? Согласен: когда инфраструктура имеется, то и вероятность появления проектов увеличивается, этого не следует отрицать.

Какой должна быть повестка развития малых городов в смысле эволюции человечества? В работе над проектами пространственного развития Краснокаменска и Нерюнгри мы увидели закономерность: если город готов решать региональные задачи, федеральные, мировые, у него гораздо больше возможностей привлекать ресурсы, союзников, включаться в сети, чем у города, который замкнут на решении своих локальных задач.

О роли, месте малых городов и сетей можно так сказать: сейчас происходит смещение фокуса от больших коллективных систем, которые были устроены иерархически, к сетевым системам без иерархий между людьми, где роль каждой личности становится значимой. В этом отношении децентрализация важна для каждого человека, появляется возможность осознать и использовать свои уникальные способности. То же самое начинает происходить с городами, идет похожий процесс. У малого города, как и у большого, появляется индивидуальность, лицо и свои особенности. Взаимосвязанность и разнообразие, где каждый

решает, где жить и как себя реализовать, – этот фундаментальный переход. Сначала человек был винтиком в общей системе, и часто этот процесс имел бесчеловечный характер, а сейчас личность уже имеет ценность. У меня есть убеждение, что у малых городов есть будущее. Более того, у малых городов есть свои преимущества перед большими городами.

АБ Нынешняя ситуация в мире характеризуется поляризацией средств. Это процесс, прямо противоположный тому, что происходило в политике на протяжении всего советского периода. Советская политика заключалась в уничижении всех различий между городом и деревней – создавалось гибридное пространство. А реальные процессы сегодня выглядят прямо противоположным образом. Но нам навязывают тот же самый продукт, а выражается это в многоэтажных пригородах. Те пространства, которые в естественном состоянии обязаны быть малоэтажными, интегрированными в окружение и ландшафт, сейчас превращаются в чудовищные гиперурбанизированные вкладыши. Это происходит вокруг Москвы и Санкт-Петербурга. Получается какой-то срединный пояс, нечто среднее между высотным строительством и малоэтажным, и туда уходят все деньги, все ресурсы. Это очень дорогостоящая ошибка.

Мы видим два прямо противоположных образа жизни. Для тех, кто нуждается в особо подвижной и деятельной жизни, есть пример Нью-Йорка, где появляется все больше небоскребов. В другой ситуации возникает малоэтажный дом – на удалении, для человека с семьей и маленькими детьми, где он может получить соответствующее медицинское обслуживание и качественное образование. Срединный пояс, куда уходят все деньги и куда мы заталкиваем все больше людей, – он становится все менее привлекательным. Поляризация инфраструктуры – вот к чему сегодня стремится мир.

Если говорить о градообразующем центре, конечно же, это не промышленность и не производство. Марксисты существенным образом отравили сознание тех людей, которые имеют отношение к городу. Забудьте об этом: города с заводом и стоящие вокруг него общежития, казармы и т. д. Это прямое воплощение экономики и производственно-ориентированной доктрины. Выживают совершенно другие города, прежде всего те самые исторические города, вопреки всему. Они живут несмотря на полное отсутствие финансирования, живут своими внутренними ресурсами.

Мы до сих пор живем в пяти или в шести экономических укладах, и в этом наше спасение. Как только мы этот багаж начинаем уничтожать и преследовать, нам конец. Россия – страна малых городов, она была обязана малым городам своим развитием. Земская реформа 1860-х годов и создала ту систему населенных мест, благодаря которой мы выжили дальше. За эти 50 лет системы были созданы малые города, в каждом из которых были и народный дом, и храм, и школа. Благодаря этим накоплениям возникла интеллигенция, возникло то самое общество, которое создало уникальную российскую культуру. Большие города существовали для того, чтобы поедать это общество. Они играли свою роль в системе общего разделения по строительству национального пространства, но никогда это не было местом, где должно собираться все население страны. Возрождение малого города – это одна из самых важных целей и одна из главных ценностей.

КЛ Линейный и центрический подходы настаивают на разной ценности центра и периферии. Все ресурсы должны стекаться в центр, а периферия пусть выживает как может. Ее роль второстепенная. Вот эти процес-

сы, когда центр пожирает периферию, – это типично для центрической модели развития.

К сожалению, такие процессы можно увидеть во многих регионах мира, не только у нас. В Китае тоже урбанизация идет большими темпами, большие города высасывают ресурсы из малых поселений. Я не говорю про Японию, где уже половина населения страны живет в одном мегалополисе Токайдо. В Европе тяжелая проблема – перетекание ресурсов в центры «Большой Европы», при этом Восточная Европа буквально пустеет.

Стягивание ресурсов в центры ведет к экономическим, культурным и природным катастрофам. Альтернатива – это сетевой подход, когда ресурсы распределяются по множеству центров и множеству плоскостей. Интересный пример – сеть «Сказочные города России». Первый узел этой сети возник в городе Мышкине, когда жители ловко сыграли на имени своего крошечного городка и вышли в принципиально новую плоскость. Они не пытались конкурировать в традиционных туристических сетях Поволжья. Там пришлось бы расталкивать локтями уже имеющихся игроков. Мышкин стал узлом в своей собственной сети. Энтузиасты создали группу музеев, были построены традиционные деревянные особняки, и там разместили Музей Мыши, музей кузнечного ремесла, интересных старых машин. Придумали специальные праздники – коронование мышиных царя и царицы, парад-карнавал мышей и т. д. По их следам пошли другие. Усадьба Деда Мороза в Великом Устюге стала уже всемирно известной. Село Кукобой в Ярославской области объявило себя родиной Бабы-яги. Правда, православная церковь сильно критикует эту инициативу. Теперь на очереди Липецк, там развивается центр «Кудыкина гора». В России уже больше пятидесяти маленьких городов, которые входят в сеть «Сказочные города России». Сказочные персонажи становятся центром самоидентификации города, и на фоне этого образа разворачивается программа развития.

Сети могут создаваться по самым разным принципам. Вот, скажем, города, подверженные сейсмическим ударам, – это ведь тоже сеть, они должны соответственно развиваться и обмениваться опытом. Возможно, была бы полезной сетевая служба скорой помощи при землетрясении, служба психологической поддержки. Разнообразие возможных сетей практически бесконечно. Может быть, и для Иркутска имеет смысл пофантазировать не только на тему того, как вписаться в какую-то традиционную сеть, но и какие сети Иркутск мог бы инициировать.

АБ Если мы не вспомним Глазычева, это будет несправедливо, Мышкин – это в значительной степени изобретение Вячеслава Леонидовича. Одна из сетей, которые можно считать действительно дееспособными, а их не так уж много. Идею Мышкина Вячеслав Леонидович возводил к тому, что ресурсом, позволяющим строить идентичность города, может быть вовсе не промышленность. Культурная традиция является таким сильным ресурсом, который способен стать драйвером развития города, в том числе Мышкина. Культура как ресурс развития.

АМ Когда я говорил, что не вижу выхода и способов лечения наших больших городов, возможно, как раз это и спровоцирует у нас появление конкурентоспособных и интересных для жизни малых городов. Если у нас появятся транспортные сети, это выход из непонятных проблем и тяжелых ситуаций. У нас есть прекрасные села, в которых так много привлекательного: природа, рыбалка... наскальные рисунки, наконец! Туда многие хотели бы переехать либо на постоянное место житель-

ства, либо на временное пребывание, но это прежде всего требует понятных и доступных транспортных артерий.

ЕГ Я пока не знаю такого объединения сообщества городов, расположенных в сейсмике. Раньше в Москве существовал институт сейсмостойкого строительства, и его специалисты реально участвовали в принятии решений по уникальным зданиям и на Камчатке, и в Иркутске, и на Кавказе, тем самым объединяя сейсмические районы в научно-технологическую сеть. Андрей Макаров, в нулевые годы директор Иркутскгражданпроекта, был основоположником тесных связей Иркутска и Грозного и сейчас пытается это сотрудничество продолжить.

КЛ Сейчас в Турции возникла очень большая проблема в связи с землетрясением. Дело не в том, что разрушены дома, а в том, что возникает паника. Она подпитывается некоей легендой о том, что Турция будет полностью разрушена землетрясениями. Называют даже примерную дату – середина XXI века. Это такой живучий миф, и он очень влиятелен среди общественного пространства, что создает массу проблем, так как держит под контролем людей в состоянии паники непросто.

ЕГ В Сирии тоже очень серьезные разрушения, в том числе гибель памятников архитектуры.

КЛ Я про то, что в Сирии имеется очень мощный опыт сохранения здравого ума и ясной памяти в состоянии природных катастроф. В нашей русской культуре тоже защиты способы, как не впасть в панику, когда природа обозлилась.

АГ Иркутск как центр сети может выступить, пожалуй, в пространстве русской культуры. Периферийные декабристские города и территории могут быть включены в заинтересованную сеть. Но у органов управления Иркутской областью отсутствует даже намек на концентрацию вокруг этой темы. (Помните пренебрежение экспертизой?!) Если бы тема была поднята, ее бы активно продвигали, могла возникнуть и сеть, и попытка приобрести в периферию другие города и территории, тем более что они находятся в другом федеральном округе. Если такая сеть получится, то она будет иметь усиленное значение, если не на федеральном уровне, то на межрегиональном. Хотя это недорого и не очень хлопотно.

Я считаю, что это шире темы музея: идентификация как декабристского города – тема крупного проекта. Реально, однако, это лишь там, где есть спрос на экспертизу.

ЕГ Сеть городов, объединенных темой декабристов, накрывает Прибайкалье и Забайкалье. Здесь мы с вами затрагиваем еще одну тему – изменение административных границ макрорегионов. Иркутск всегда был центром Восточной Сибири, Чита и Улан-Удэ входили в эту орбиту. После перевода двух забайкальских субъектов в Дальневосточный федеральный округ Иркутская область оказалась на окраине.

АМ Как Байкал можно было разъединить на Дальний Восток и Сибирь – совершенно непонятно...

СМ Я указал бы еще на одну проблему, касающуюся как малых, так и гигагородов, – проблему времени. Люди стремятся организовать пространство таким образом, чтобы меньше тратить времени на то, чтобы угодить своим потребностям. Это желание экономии времени привело к большой плотности, которая возникает в гигагородах. Гигагорода – это апофеоз общества потребления, это сложившаяся система расселения в этой модели, которая позволяет осуществлять максимум потребления с комфортом. Общество потребления, вся эта суэта и шум большого города, с приправой тайм-менеджмента, часто теряют смысл.

Несуетливость малых городов и некая глубина противоположны этой судорожной динамике. За счет подключения к сети, к сетевым сообществам появляется возможность работать над чем-то общим и большим. Чтобы подумать глубже, без спешки – такие центры знаний могут располагаться в малых городах. Малые города можно противопоставить суетливым гиперпространствам. Тем более сейчас место работы уходит в сеть, и неважно, в каком ты городе работаешь и живешь, – здесь у малого города есть свое преимущество.

АМ И разгрузив тем самым большие города – мы можем их вылечить. Горно-Алтайск и близлежащие окрестности, к примеру, являются очень интересным местом: очень много москвичей переехали туда и живут там с удовольствием.

СМ Экология также является важным фактором. Малый город – это чистый воздух, вода, близость к дикой природе. Если малые города обеспечат приезжающих долголетием, то у них будет еще одно преимущество. Современный малый город способен обеспечить базовые потребности любого человека на современном уровне. Конечно, в больших городах еще остаются возможности, которых нет в малых, но если ты мобилен и временно можешь посещать большие города, то никаких проблем с проживанием в малом не возникнет. Эта роль малого города может проявляться по мере того, как с развитием интернета расширяется возможность включенности во весь мир.

АГ И в любом случае нужен соответствующий миф. Горно-Алтайск, к примеру, кроме объективно прекрасной экологии, эксплуатирует целую горсть мифов. В республике присутствуют соответствующие псевдорелигиозные культы – есть за что зацепиться. А просто взять и переехать в экологически чистый город (если он найдется) в Иркутской области – это не решение для человека, живущего духовной жизнью, нужна мифология.

АБ При более детальном рассмотрении большой город является сообществом нескольких малых городов. Дело в том, что большие города становятся привлекательными для иммигрантов, и они образуют национальные гетто. Вокруг Парижа существуют национальные сообщества, представители которого не выходят за пределы «конклавов». То же самое наблюдается в Германии и Москве. Это чрезвычайно опасная тенденция, более того, это происходит на фоне обратного движения, когда средний класс уходит из больших городов. В нынешнем, 2022 году объем индивидуального жилищного строительства (ИЖС) превысил многоквартирные метры. 55% города – это ИЖС, вопреки семейной и финансовой политике. Естественные процессы заявляют о себе именно таким образом. Но города, которые начали сбрасывать население, стали заполняться иммигрантами. Этим центрам такой поток новых людей не нужен, так как они отличаются по своей культуре. Возникает озабоченность властей из-за создания все новых и новых «конклавов», которые трудно контролировать. Это серьезная проблема.

КЛ Недавно мне попались на глаза результаты этнографического анализа Лондона. Исследовали два «анклава» – камбоджийский и вьетнамский. Оба очень компактные. К примеру, несколько станций метро в Лондоне уже считаются чисто камбоджийскими, а другие – вьетнамскими. В большом городе образуются фрагменты, которые по национальному признаку входят в другую сеть. Идет локальное вымывание местного населения, а на его место приходят иммигранты. Они живут в своем «анклаве», и у них нет стимула встать в местное общество. «Анклавы» образуются, а местные чиновники не умеют с ними работать: они считают, что есть центр и все должно под него подстраиваться, а кто не под-

страивается, того надо наказывать. При этом сама по себе диверсификация культурного облика города вовсе не проблема. Разнообразие никому еще не вредило. Но власти не умеют с этим работать: либо пытаются все запретить, либо совсем бездействуют.

АБ Потому что чиновники на федеральном уровне и на уровне регионов стремятся контролировать стройжайшим образом территориальное сообщество и очень внимательно следят за сохранением данного баланса. Их можно понять. За формированием подобных трендов стоит полная утрата контроля на территории. Но ведь есть и положительный опыт. В Швейцарии никто не препятствует формированию национальных объединений и сообществ. В Бельгии хорошо получилось проконтролировать эти образования.

КЛ Национальное сообщество в чужой стране изолируется, когда на него давят. Если правительственная политика доброжелательна и равномерна, то такой оболочки не образуется. Стена вокруг образованного анклава возникает, когда вокруг царит агрессия со стороны принимающего сообщества. Я считаю, что в этом вопросе виноваты именно чиновники.

ЕГ Когда мы начинали проект «Иркутские кварталы», в этой части города, в историческом центре Иркутска – между улицами Тимирязева и Подгорной, существовал своеобразный анклав. В 2013–2014 годах (этап фотофиксации и выявления проблем) там говорили на двух других языках (киргизском и китайском), стояли маршрутки с надписями «Иркутск – граница», «Иркутск – Бишкек». Бросалась в глаза антисанитария, а по отношению к деревянным памятникам (читай: к Иркутску и его истории) проявлялась настоящая агрессия. Сейчас рынок вынесен на периферию города.

СМ Теперь вокруг рынка «Китай-город», расположенного на окраине, формируется поселение. К сожалению, никто не проводил исследования по этому вопросу, а следовало бы.

КЛ Вернемся, однако, к нашим вопросам из анонсированного списка.

Поиск баланса. Полярности чаще всего нежелательны: они вызывают болезненное противостояние, взаимную агрессию. Чрезмерное усиление одной из тенденций неизбежно порождает противоположные тенденции. Есть ли какие-то объективные критерии поддержания баланса?

И последний вопрос о культурно-исторических памятниках – это очень болезненный вопрос по всему миру. Можем ли мы каким-то образом начать думать на тему баланса между сохранением и развитием? Возможно ли предложить какие-то количественные параметры для оценки и анализа ситуации, для продумывания сценария на будущее?

ЕГ По поводу количественных параметров: как раз сейчас происходит движение. С прошлого года в Иркутской области идет экспертиза памятников, которые несут статус выявленных. Программа рассчитана на пять лет, подтверждена финансированием. Это своеобразная инвентаризация, в ходе которой, кстати, выясняется, что иных уж нет. Странно, что об исчезновении объектов наследия с лица земли служба узнает через годы после самого факта исчезновения. Так вот, большая часть выявленных объектов культурного наследия (ОКН) в результате экспертизы переходит в реестр, получает статус памятника. Часть – не попадает в реестр, теряет статус выявленного и теряет всякую защиту, т. е. может быть снесена по воле собственника. К сожалению, это относится не только к уже утраченным, но и к вполне жи-

вым и, более того, расположенным в Иркутске, который, как нам известно, имеет высокий статус исторического города федерального значения.

Считая, что к этим зданиям должен быть особый подход, посмотрела внимательно экспертное заключение, согласилась с их – отмеченной экспертами – важностью, но категорически не согласна с выводом, противоречащим оценке, изложенной в тексте заключения. Если объект имеет ценность, его надо включать в реестр, а не наоборот. Вместе с руководителем ВООПИК Алексеем Чертиловым мы выступили на областной Общественной палате, затем я дала предложение на площадке областного градсовета о пересмотре решения по поводу семи ОКН Иркутска. Теперь именно от власти зависит, утвердит она тот список, который эксперты из Москвы определили к выводу из памятников, или прислушается к нашему предложению поработать с этим списком и поставить в реестр те здания, которые являются частью небольших ансамблей, формируют историческую красную линию или принадлежат к тем самым деревянным массивам застройки исторического центра Иркутска, которые, собственно, и считаются главной идентичностью города.

АГ Я не думаю, что мы будем настолько наивными, поверив, что губернатор выделил большие деньги для того, чтобы сохранить значительную часть памятников. Это движение в сторону прореживания выявленных памятников.

ЕГ На самом деле, если смотреть статистику, то пропорция приличная, многие ОКН становятся в реестр. Но ведь здесь важен индивидуальный подход. Особенно для Иркутска и его исторического центра. Каждый дом дорог, особенно если он часть ансамбля.

КЛ А сколько нужно памятников в городе и для чего? Ведь если пойти по логике, что памятником становится любое стареющее здание, то в скором времени мы будем жить в городе-музее, а жить в таком месте очень тяжело. Как регулировать количество памятников в городе? С точки зрения центрального подхода, хватит одного небольшого кусочка, как 130-й квартал, – это центр, все остальное периферия, которой можно пожертвовать. А с точки зрения сетевого подхода возможно ли составить обоснованное мнение? Почему нужно бороться за памятники? Почему сокращение числа памятников – это плохо? Почему превращение памятников в виртуальные объекты – плохо? Это не самоочевидные тезисы – их нужно как-то обосновывать.

АМ Перечеркнуть память об архитектуре прошлых годов невозможно, ведь города строили и обживали чьи-то бабушки и дедушки. Память о наших родных очень важна, а значит, и то, что они сделали, тоже, ведь это напоминание о них. Историческая память должна присутствовать – это наше мировоззрение и культура.

АГ Возраст – важный критерий, но не самый главный. Экспертиза, которая относит к памятникам здания, многослойна. Если хрущевке когда-то исполнится сто лет, это автоматически не делает ее и все остальные памятниками.

КЛ Но ведь старые здания – это не просто камни, это и способы строительства. Кто знает, какие приемы могут снова стать востребованными. Например, Жан Нувель сейчас строит пещерный отель в Саудовской Аравии. Вырезали в песчанике полость, искусственную пещеру, и там разместили отель высокого класса. А этим приемам три тысячи лет, так строили набатеи еще до римлян. Сейчас эти люди, энтузиасты пещерного жилья, активно ищут контакты с единомышленниками, теми, кто считает, что наследие – это не просто старый дом. Это аргумент?

ЕГ Вы сами ответили на свой вопрос. Ведь мы на практике показали, насколько для Иркутска (и Сибири) современен и востребован образ жизни и работы в деревянном здании, и продолжаем эту линию в разных проектах. В Иордании история архитектуры в три тысячелетия, а у нас в три столетия. Но это – наше достояние, это образ жизни, который идентифицировал город Иркутск. Чудом сохранилось то, что сохранилось в центре Иркутска, так давайте используем это небанально. Давайте покажем, что это востребовано и можно прекрасно жить в деревянном доме в центре города – лучше, чем в многоквартирном доме. Собственно, это уже продемонстрировали...

КЛ А может быть, создать сеть деревянных городов или мест, где сохраняется традиционный способ жизни и деревянное домостроение?

Вот еще пример: недавно мы участвовали в фестивале святочных ряженных, кукеров в небольшом городке Перник под Софией. Приехало из дюжины городов, из четырех стран почти 20 тысяч человек. А в этом городке всего населения 90 тысяч человек. Фестиваль длился три дня. Местные власти, конечно, пошли навстречу и помогли организационно, но в основном карнавал самоокупаем. Почему бы Иркутску не сделать так же? Почему он не образует сеть? Вести пропаганду по проживанию и распространению деревянного зодчества шире?

АГ В Иркутске только одно культурное достояние мирового уровня (и это уже много). Оно слегка угнетающее по тематике: Глазковский некрополь – археологический памятник верхнего палеолита и неолита, единственный в мире сохранившийся в центре большого города. Есть в мире крупные и с помощью ЮНЕСКО обихоженные узлы подобного уровня. В Гватемале над похожим местом расположен стеклянный купол, под которым проходят раскопки, рядом размещаются лаборатории, все это обогащено правильной и удобной для туриста инфраструктурой. Памятник работает как научный и туристический центр – это то, что я представляю и в нашем случае. Это тоже может быть сетью – самые древние точки на планете, освоенные человеком, где человек и появился. Могла бы получиться не очень широкая, но очень авторитетная сеть.

АМ В регионе нет преемственности власти, чтобы полноценно продвигать такие крупномасштабные проекты.

КЛ Каждый город должен быть услышан, особенно те города, которые готовы говорить, – надо дать им эту возможность. И каждая страна, и каждый регион, и каждая местность. Мы увидим эти времена, когда перестанем слушать указания из центра «по стойке смирно», а станем хором исполнять нашу мелодию жизни. Мне очень обидно бывает за Иркутск, потому что каждый раз мы недооцениваем свой город. У нас очень заниженное мнение, и это неадекватно по сравнению со многими другими городами, в том числе Европой. Иркутску есть чем гордиться, но каждый раз мы говорим о том, что в нем плохого. Давайте на будущее замечать больше положительных моментов, их немало. Прозвучало много интересных идей, надеюсь, мы их сможем обсуждать и дальше.

АГ Предложение – собрать круглый стол на тему достоинств Иркутска и поговорить о его плюсах.

ЕГ Интересная идея. Свежая. И вполне годится для фестиваля «Зодчество в Сибири – 2023». Встретимся за этим столом в июне.